

Петя Шнякин

САТЭСНИ ИЗ САБВЕЯ

ИЛИ
Главный человек моей жизни

Петя Шнякин

**Записки из сабвея, или
Главный Человек моей жизни**

«Альтерлит»

2012

Шнякин П.

Записки из сабвея, или Главный Человек моей жизни /
П. Шнякин — «Альтерлит», 2012

Попроси меня охарактеризовать автора одним словом, и я без колебаний выдам: бесхитростный. Многим подобная оценка покажется чуть ли не унижительной, но это совсем не так. Между здоровой простотой и беспомощностью лежит дистанция огромного размера. Петя Шнякин совершенно ясен. В этом его несомненное достоинство. Он не преумножает сущности без нужды, язык Шнякина универсален, манера изложения доходчива, а проблематика житейская, общая для всех. Да, до этих записок был Тургенев, был Довлатов, ехал с Курского вокзала взлохмаченный Богом Веничка. Вся русская литература выросла из маленького человека, выпавшего в мир из шинели. И явление Пети Шнякина, – не явление командора выдавшего виды сластолюбцу читателю. Пафоса нет. Но явление это глубоко закономерно. Буду краток в перечислении характерных черт творчества Шнякина. Он пишет доступным языком всем понятные вещи. Подача классически проста, натура глубоко индивидуальна. Каждый узнаёт в нём частицу себя, и всякий сочувствует и сопереживает лирическому герою. Герой этот и впрямь лиричен, несмотря на пьяную слабость и грубоватую временами речь. “Не мы такие – жизнь такая”, – соглашается герой с другим популярным героем, но в отличии от того не столь задорен, да и поумней будет в силу опыта. Думаю, что нет смысла углубляться в словоблудие, автор этого не одобрит. Я бы советовал всем прочитать эту книгу, на что сам искренне надеюсь. Антон Чижов

© Шнякин П., 2012

© Альтерлит, 2012

Содержание

На реке Вороне	8
В мордовской деревне	16
Стелла	19
Маринка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Петя Шнякин

Записки из сабвея, или Главный Человек моей жизни

Я благодарен брату Сергею, Антону Чижову, Ярославу Трусову, Александру Аронову, Ольге Мельниковой, Леониду Казьмину, Дмитрию Соколовскому, Вадиму Збарскому и всем авторам и читателям сайта litprom.ru за бесценные советы и поддержку

* * *

Я работаю в Бруклинской больнице, в аптеке. Готовлю вливания для раковых больных. Химиотерапию, короче. Почти десять лет. Жалко таких пациентов очень. И не раз в голову приходили мысли – не дай Бог самому так мучиться! Когда придёт время умереть, хорошо бы сразу. И лучше во сне.

В тот понедельник, 21 июня 2010 года, я еле добрался до работы: слабость какая-то в теле, боль в груди, и дышать тяжело. За два дня до этого со мной случился инфаркт, только я не хотел верить, хоть и догадывался об этом.

В десять утра ко мне подошёл директор аптеки и поинтересовался, как идут дела. Я ответил, что отлично, как это положено отвечать в Америке, но всё-таки решил справиться у него:

– А при инфаркте потеют? Сильно так...

– Да, есть такой симптом. Случилось что?

– Я почти уверен, что в субботу у меня был heartattack.

– А чего ты ждал-то? Сразу «скорую» не мог вызвать? Хотя что теперь... Пойдём в приёмное отделение. Дойдёшь? Может, клерка с креслом вызвать?

– Не надо, я потихоньку.

После того как сняли ЭКГ и сказали: «Не двигайтесь – мы сами вас положим на каталку», – мне всё окончательно стало ясно. Я живу в Америке восемнадцатый год, но в больнице лежать не приходилось. Первый раз я попал в госпиталь. Да ещё в тот, где работал.

Меня завезли в какую-то комнатку с ширмой, сняли рубашку, ботинки, потом начали стягивать брюки вместе с трусами. Я ухватился за трусы: думал, в спешке они ошиблись. Но нет. «Всё, всё снимайте», – раздался властный голос.

Со мной работали несколько человек. Одна женщина измеряла давление и записывала названия медикаментов, которые я принимал в настоящее время. Вторая подошла и спросила:

– Вы какого вероисповедания?

Её вопрос меня немного шокировал. Что они, соборовать меня собрались? Но этот шок быстро проиёл – третья женщина, выхватив откуда-то электробритву, ловко начала сбрасывать волосы с моего лобка и мошонки.

«Всё, пиздец, к операции готовят»...

Мне дали подписать какой-то документ и тут же засунули в ноздри носовые канюли для ингаляции кислорода. Минут через десять на каталке бегом доставили к лифту. Как только двери его открылись, я услышал команду:

– Всем из лифта! Быстро!

Из него тут же ломанулось человек пять студентов. Вообще, в нашей больнице их много. Все в белых халатах, со стетоскопами на шее и толстыми тетрадиками в руках. Серьёзные

такие... Не смеются почти и разговаривают только на медицинские темы. Морды делают значительные, как коммунисты на партсобраниях в семидесятые.

Я вспомнил о своих студенческих годах. Как же весело и интересно они проходили! Время, конечно, другое было, да и страна тоже...

На реке Вороне

Стою в телефонной будке у Киевского вокзала.

– Лену можно?

– А её нет. Она в Ташкент уехала.

– Как в Ташкент? Мы же с ней встретиться сегодня должны...

И гудки...

Я с Ленкой в пионерлагере познакомился. Первый курс в институте закончил, а парнишка из моей группы предложил: «Петь, поехали в пионерский лагерь, месяц там поработаем. У меня связи имеются». Я согласился. Ему место вожатого досталось, а меня физруком назначили. Ну, думаю, отдохну на природе. Да и лишние деньжата не помешают.

Палату мне выделили отдельную, большую. На шесть коек. Курить разрешили. Портвейн пить. Только очень рано вставать надо, зарядку проводить, флаг на линейке поднимать. Понял я – не моё это. Да и стеснялся сильно, там пионерки разные были, некоторые на пару лет всего младше.

А вот в футбол погонять перед обедом – это с удовольствием. Я вратарём был неплохим, пацаном за «Торпедо» играл, так что гол в мои маленькие ворота – пять с половиной на два – удавалось забить с большим трудом даже пионерам из старшего отряда. Но тут загудел слегка и на зарядке два дня подряд не появлялся. Пришлось моему сокурснику её проводить. Директор лагеря вызвал меня к себе и говорит:

– Ты, Петя, парень хороший, но работа физрука тебе не под силу. В общем, два варианта тебе предложить могу. Первый – пишешь заявление по собственному желанию, собираешь вещи и отправляешься домой. По второму варианту ты тоже увольняешься, но остаёшься в лагере. Мы оформляем льготную путёвку, за которую не нужно платить. Только год рождения тебе поменяем, будешь по документам на три года моложе. Скоро начинается первенство по футболу между шестью пионерскими лагерями, ты как вратарь пригодился бы нам очень.

– Это чего, опять пионером стать?

– Да, пионером.

– И со всеми ночевать, на зарядку ходить?

– Нет, палата за тобой остаётся. И курить можно, только постарайся не у всех на виду.

На зарядку не надо. Тренируйся по собственному графику.

– Согласен... То есть – всегда готов!

– Ну вот и договорились.

Матч за матчем мы выигрывали. Я брал все пенальти. Даже гол от ворот до ворот забил. Тут-то ко мне Ленка по вечерам заходить стала. Ей почти шестнадцать было. Красивая очень. Как Хитяева из «Тихого Дона». А когда мы чемпионами стали, даже похлопать себя везде разрешила. Но не дала. Лишь свидание назначила в Москве, на станции метро «Киевская». Она в лагере ещё на одну смену оставалась.

Я в тот день букет роз купил, шоколадные конфеты и большую бутылку портвейна. Тройку надел с галстуком, рубашку с серебряными запонками и новые французские туфли у брата выпросил. По дороге пива выпил для храбрости. Потом стоял в метро, ждал её. Через полчаса ожидания подозревать начал, что не придет Ленка. Сел на мраморную лавочку, бутылку внутри портфеля открыл и потягиваю из горлышка, розами от ментов прикрываюсь. Надо бы, дураку, домой уехать, а я на улицу вышел, позвонить ей решил.

Когда гудки в трубке услышал, бросил со злости букет в урну и к метро зашагал. На душе гадко так. Мимо пацан проходит.

– Земель, – говорю, – хлебнуть винца не хочешь?

– Давай, – отвечает. – Пойдём вон в сквер, там и выпьем.

Приходим, а у клумбы на лавочке три корешка его сидят. Познакомились. Одного, кажись, Костя звали, а кличка – Кризис. Второй на Арбуза откликнулся. А третьего не припомню, как звали, сколько лет уже прошло.

Помню только, что все мои деньги пропили, отошли от вокзала куда-то, ночь уже наступила. Тут Костя Кризис вдруг заорал дурным голосом и мне, сидящему, по морде с ноги захуячил. И все, кого поил я этим вечером, примеру его последовали.

Очнулся я на рассвете, в крови весь и синяках, а главное – на мне только носки, трусы и майка с галстуком. Все остальное сняли. Каждая клетка избитого тела болит, каждый нерв стонет... Добрёл я до телефона, хочу «02» набрать, а не получается. И трубку в руках вроде держу, и диск вращаю, а не выходит, и всё... Сел я на землю у будки, ладонями голову закрыл и плачу. Не от боли. И не от обиды. От беспомощности своей.

А времени часа четыре утра, светает вовсю. Вдруг сквозь рыдания голос слышу:

– Ты что плачешь?

Смотрю: мужик стоит передо мной, и повязка дружинника на рукаве.

– Избили меня... и раздели... а мне домой в Быково надо... как я доберусь?

– Подожди, я позвоню.

Минут через двадцать машина ментовская подъехала, усадили меня и отвезли в отделение. Там следак расспрашивать начал: с кем был, что пил, а потом:

– Ты, может, клички какие запомнил?

– Да. Костя Кризис и Арбуз.

– Понятно. Ну и компанию ты себе подыскал. У нас подозрения есть, что они квартиру Тихона Хренникова ограбили. А Колпаков был там? Такой здоровый, постарше остальных. Он судимый, только что освобожден.

– Не знаю... был один, в возрасте уже...

– Ладно, жди, глядишь, придумаем что-нибудь. Пойди воды попей и умойся, весь в крови, мутило.

Сначала Арбуза привели. Запонки у него обнаружили, одна, правда, сломана была. Когда меня метелили, я голову руками закрывал. Вот ногой по запонке и попали.

Потом Кризиса доставили в моих брюках и жилетке. А уж после и Колпакова во французских туфлях. Только пиджак с рубашкой не нашли. И пацана, которому я с горя выпить предложил.

Арбуза как несовершеннолетнего судить не стали. А Колпакова и Кризиса посадили надолго. Здание суда находилось в переулке Сивцев Вражек. Мне ещё название таким смешным показалось. А в итоге стало не до смеха.

Суд вынес мне частное определение, в институт его направили. Дескать, ваш студент, комсомолец Петя Шнякин, пьёт в общественных местах с уголовниками всякими. Необходимо меры принять. Но пока следствие велось и суд шёл, год пролетел незаметно. Летом нашей группе в стройотряд ехать, птицеферму колхозникам возводить.

Я по карте определил местонахождение лагеря – деревня Красивка Тамбовской области. Не так уж и далеко от места, где батяня родился. Ну, думаю, перед студенческой стройкой в отцовскую деревню заеду. Тётку навещу, с братьями двоюродными увижусь. В дорогу мать собрала еду и вещи, отец денег дал, а я аккордеон с собой прихватил. На селе музыку любят!

А веселиться я в поезде начал. Весь вагон от водки и песен на ушах стоял, а под утро к станции Башмаково подъезжаем, проводница меня будит: «Вставай, Петя. Заводной ты парень, но пить тебе меньше надо». Я почему-то у неё в купе ночевал.

С утра похолодало, да и с похмелья колотит. Заначку отцовскую прогулял, мелочь какая-то в кармане брякает, но бутылку водки в чемоданчике сохранил. Она мне очень пригодилась. Мужики на грузовике из деревни к станции молоко возили. Поговорил я с ними, распили мы пузырь на троих и на родину отцовскую поехали. Они в кабине, а я в кузове, среди порожних алюминиевых фляг.

До места добрался, тётка рада, яичницу с салом пожарила. Выпить, правда, только бражка. Я и перекусить толком не успел, как брат Степан с самогонкой ломится.

– Спасибо, Петя, что приехал! Меня же председатель наш Пётр Николаевич на пятнадцать суток определил, а я только два дня отсидел – и на свободу!

– А за что забрали?

– Запил я, на работу не выходил, тут от него человек приходит, грозит: если завтра опять прогуляешь, пойдёшь на пятнадцать суток. Мне бы послушаться, но не сумел остановиться.

– А я здесь при чём?

– Не знаю, – говорит Степан, а сам улыбается. – Ты же гость из Москвы, неудобно ему родственников твоих в кутузке держать.

– погоди, ведь сажает милиция, председатель тут с какого боку?

– Как с какого? Вся милиция у него в подчинении, что он прикажет, то и будет.

– Ни фиги себе...

Вечерком подошёл к тётке восемь рублей занять на дорогу до стройотряда.

– А тебе что, разве денег не дали?

– Дали... кончились уже...

– А откуда я тебе восемь рублей сыщу? У меня пенсия – семнадцать! Где хочешь, там и бери. Нет у меня денег!

Погрустил я перед сном, потом подумал, может, найдёт она бабки эти, просто поугаты решила в назидание. А если нет? Мне что, здесь навечно оставаться? Но быстро заснул – молодой, девятнадцать лет...

Утром будит:

– Вставай, племянник!

– Что стряслось-то? Дай поспать, тётъ Лен.

– Одевайся. Шофёр председателя за тобой приехал.

– Зачем я ему нужен?

– Вот ты у шофёра и спросишь.

Я надел серый костюм, но ноги пришлось обуть в резиновые сапоги – грязь непролазная. «Волга» ГАЗ-21 стояла на дороге, метрах в пятидесяти от дома. На задних колёсах машины из-под чернозёма проблёскивали стальные цепи.

Я подошёл к водителю.

– Здравствуйте, – говорю.

– Здравствуйте, Пётр Яковлевич! С вами товарищ председатель хочет познакомиться. Ждёт вас в гостинице в центре.

Я опешил. Откуда ему имя моё известно?

– А зачем ему со мной знакомиться?

– Этого он мне не доложил. Сами узнаете. Ну, поехали...

И он распахнул передо мной правую заднюю дверь.

Гостиница представляла собой невысокое одноэтажное здание из четырёх комнат. Постояльцев там не наблюдалось. В одной комнате, куда меня проводил шофёр, был накрыт стол. На столе стояли закуски, редкие даже для жителей столицы: колбаса-сервелат, два вида сыра, красная рыба. Конечно, салат столичный, винегрет и даже баночка красной икры. Из напитков – квас с изюмом в графинах и бутылка болгарского бренди «Плиска».

– Вы побудьте здесь, пожалуйста, Пётр Николаевич скоро будет.

Хотя на столе красовались хрустальные пепельницы – закурить я не решился. Тут слышу:

– Здравствуйте, Пётр Яковлевич. Какими судьбами к нам?

Какими судьбами к нему? На это я ответа пока не знал. Мужик выглядел лет на сорок пять, был добротню одет: выглаженные брюки и серый шерстяной свитер. Тёмные волосы, смуглое лицо, уверенный голос начальника... Но на меня он глядел приветливо.

– Я в гости к тётке заехал. По пути в стройотряд. Завтра ещё денёк погощу и к ребятам своим отправлюсь.

– Ты в медицинском? На провизора? – Председатель резко перешёл на «ты», но как-то просто, с отеческой улыбкой.

– Да, два курса закончил.

А сам думаю: «Ни фиги себе, и это знает!»

– Ты закусывай, не стесняйся. Махнём по рюмочке? Как учёба идёт?

Я выпил стопку и начал спешно закусывать салатом, чтобы не повело со вчерашнего.

– Да всё нормально, занимаемся, экзамены сдаём. Обычная студенческая жизнь.

То, что я два раза завалил коллоидную химию, говорить ему не стал. Вдруг огорчится.

– Знаешь, тёзка, выпьем-ка мы по второй, за твою успешную жизнь! Ты семьёй обзаводиться не надумал ещё?

– Да какая семья, Пётр Николаевич, мне ж всего девятнадцать, рано пока.

– Ну почему рано, я в семнадцать женился и доволен очень. Дочки растут. Воспитал их правильно, кстати, не хочешь посмотреть, как я живу?

– Можно, конечно...

– Вот и славно. Давай ещё по одной, и я Васю попрошу тебя назад отвезти, а уж завтра в десять утра будь готов, ко мне милости просим.

Выпить мне страшно хотелось, но я решил: только две.

– Спасибо вам большое, но я воздержусь, боюсь, захмелею.

– Ну, как знаешь. Значит, завтра увидимся.

Дома я опять попытался взять взаймы у тётки, чтобы рано утром свалить оттуда. Моя просьба её разозлила:

– Я же тебе сказала вчера: нет денег!

– Да как же я до стройотряда доберусь?

– Не знаю! У председателя спроси.

Заснул не сразу... Вот я попал!

Без четверти десять подали машину, Вася-шофёр улыбался мне всё время, пока ехали. Потом рукой направо указал:

– Смотрите, дом Хозяина. Антенна – тридцать метров! У него одного только телевизор работает – цветной.

У крыльца большого дома, стоящего в полукилометре от деревни, меня радушно встретили председатель с женой, а в одной из нескольких комнат за столом сидели две невзрачные девицы.

– Вот, дочки, знакомьтесь: Петя Шнякин, студент из Москвы. А это Валя. И Нина – тоже фармацевтом будет. В Пензе училище заканчивает. Давай, гость дорогой, помой руки, и за стол.

Посидели, перекусили, тут глава семейства мне предлагает:

– Вы пойдите с Ниной, прогуляйтесь, об учёбе поговорите. На улице жарко, снимите пиджак, повесьте на стул. Не стесняйся.

На кой чёрт ему пиджак мой сдался? Неудобно как-то всё получается. Что он, мне её сосватать хочет?

Дочка у него не красавица, конечно. Застенчивая. Даже голос дрожит, когда отвечает на мои вопросы. И невпопад иногда. Влюбилась, что ли? Пообщались мы с ней немного и домой вернулись. Председатель взглядом в сторону отзывает, говорит:

– Давай на улице покурим. У нас в доме это не принято.

– Пойдёмте.

Я закурил, а он-то некурящий. Просто ему вопрос один со мной решить надо было:

– Ну что, как тебе Нина?

– Замечательная девушка, скромная...

– Петя, ты знаешь, я вокруг да около не люблю ходить. – Взгляд его стал тяжёлым. – Понравился ты мне, да и отца твоего знаю, хороший мужик. Нине ты тоже глянулся. Значит, так. Я человек не бедный. Поженитесь, квартиру вам куплю в Люберцах, трёхкомнатную. Тебе – машину, «Волгу», ГАЗ-24. Ну и с продуктами помогать буду... мёд, свинину, колбасу. Деньгами там... В аптеке работать вместе станете, ты – заведующим, она – фармацевтом. Я устрою всё. Связи есть. Как ты на это смотришь?

Бля, он же меня покупает! Как же ему ответить? Правду сказать? Обижу...

– Пётр Николаевич, вы мне тоже понравились. И дочка ваша. Я в принципе не против. Только такие вещи в один миг не решаются. Мне с отцом обсудить всё надо.

– А я не тороплю... Домой со стройки вернёшься, с родителями посоветуйся. Согласятся – позвонишь мне.

– Да, конечно.

Провожали меня всей семьёй, я пожал на прощанье Нине руку. Она была тёплая и влажная от пота. Я сел в машину, а председатель наклонился к открытому окну и тихо проговорил:

– Там, в пиджаке, в верхнем кармане, телефон тебе оставил. Звони.

Только в доме у тётки я решился проверить пиджак. В кармане обнаружил записанный на бумажке телефон. И пятьдесят рублей!

До стройотряда добирался долго, но интересно. Когда с тёткой прощался, она протянула мне носовой платок, перетянутый двумя узелками:

– Здесь две трёшки и два рубля мелочью.

– Спасибо, тётя Лена, мне уже не надо.

– Где же ты деньги взял, или врал мне?

– Нет, не врал, у председателя попросил!

Сейчас уж не помню, как ехал, в голову приходят названия посёлков и городков – Поим, Кирсанов, Инжавино... До деревни Красивка добрался, а куда идти? Где он, студенческий лагерь? У меня чемоданчик с одеждой и водкой, спасибо Петру Николаевичу. Аккордеон ещё. Далеко не уйдёшь. И людей вокруг нет: спросить не у кого. А солнце припекает, жажда мучит, водой бы хоть кто напоил.

Гляжу: по дороге трактор с длинным прицепом хучит, пыль от него в воздухе висит, не опускается. Я водилу торможу, спрашиваю:

– Отец, а где тут у вас студенты в палатках живут?

– Студенты? Так это в другую сторону.

– В какую – другую?

– Ну, я еду шас примерно оттуда. Тут четыре километра через лес, к реке Вороне.

– Погоди, батя... Четыре километра? Так я же не дойду. Видишь – вещи у меня. Давай лучше так. У тебя стакан есть? Тяпнем малёха, а ты меня в прицеп посадишь и туда отвезёшь. Лады?

- Согласен. Только зачем в прицеп? В кабине можно.
- Не, я как выпью, петь захочу, музыка у меня с собой.

А сам представляю: вот ребята обрадуются, когда я к ним с ханкой под песни на тракторе заявлюсь! Прикольно!

Так и приехал. Смотрю: палаток много, а народу нет никого. Вдруг дружок мой Генка Газарян откуда-то выбегает, меня с прицепа стаскивает и ругается:

– Петь, ты что, сдурел? Пьяный приехал! У нас тут сухой закон. Ты же на два дня опоздал, тебя из отряда выгонят, потом из института! Хорошо, на работе все, а дежурным меня назначили. Быстро ко мне в палатку – и спать!

– Подожди ты со своим «спать»! У меня четыре пузыря в чемодане, может, вмажем по сто пятьдесят на сон грядущий?

– Что?! Ну-ка, давай сюда!

Я с неохотой вытащил из чемодана бутылки, и он умчался в лес хоронить спиртное. Назад прибегает и шепчет:

– Тут о тебе только и болтают. Про частное определение. Им из деканата отписались, что тебе выговор объявили. А суд в институт пишет в обратку, что наказание недостаточное. Неравноценно проступку советского студента. Говорят, в отряде комсомольское собрание скоро состоится, тебя разбирать будут. Из комсомола попереть могут... А ты опоздал, пьяный вон приехал. Давай спи и из палатки до темноты носа не высывай. У нас каждый вечер костёр, тогда и подойдёшь ко всем.

Перед тем как заснуть, я задумался: да, грустно оно как-то получается.

Проснулся от звуков гитары и пения невдалеке: «Скоро осень, за окнами август...». Я достал из футляра аккордеон, вышел из палатки и направился на свет костра, подыгрывая гитаристу. Ребята встретили радостно, а командир отряда Владимир Андреевич, доцент кафедры физколлоидной химии, сухо проговорил:

– Пойдём, Шнякин, потолковать нужно.

Я знал, что мужик он нормальный, но всё равно заволновался. Мы отошли к большому деревянному столу под навесом, где бойцы отряда три раза в день принимали незатейливую деревенскую пищу. На столе тускло светила керосиновая лампа.

– Ты почему опоздал?

– Я в деревне у тётки гостил. Думал, быстро доберусь... не получилось...

– А ты знаешь, что твоё дело мы на собрании разбирать будем?

– Слышал. А всё так серьёзно?

– Да. Им простого выговора мало.

– И из комсомола выгнать могут?

– Ну, это вряд ли. А там кто его знает. Ты вот что... Тебя ребята любят, не захотят они, конечно... Но ты их попроси за выговор с занесением проголосовать. Тогда мы постараемся всё уладить. И чтобы ниже травы ходил! И тише воды. Распелся, гляжу, опять. Кстати, послезавтра торжественное открытие лагеря. Флаг будем поднимать, руководство районное прибудет. Ты на аккордеоне какой-нибудь гимн сыграть можешь?

– Нет, Владимир Андреевич. Я Северного могу, Высоцкого, русские народные песни...

– Да придумай что-нибудь, флаг под аккордеон – неплохо, не под гитару же!

– Может, «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону...» подойдёт?

– А что, про комсомольцев песня. Только петь не нужно. Ты играешь-то хорошо?

– Аккордами в основном. В ля-миноре. Я музыкальную школу давно, в тринадцать лет закончил, а раньше играл здорово.

– Вот и вспоминай, репетируй. Пару дней на работу можешь не ходить, но чтобы исполнил без ошибки. Ты коллоидную химию уже два раза завалил?

- Да.
- Вот и помни об этом.

Открытие лагеря прошло успешно. И работали мы ударно. Стены птицефермы кирпичами выложили, а пол цементом залили. А вот закрытие...

Довольное нашей работой начальство перед торжественным закрытием лагеря подогнало бочку «Жигулёвского» пива, а из крытого кузова грузовика ещё и водкой втихаря подторговывали. Я, конечно, нажрался, стоять ровно не могу, шатает. Андреич, как меня увидел, аж пятнами весь пошёл. И как понёс матом:

- Ты что же, долбоёб, творишь? Тебе выступать через двадцать минут! А ты пьяный в говно! Про экзамен забыл, мудило?
- Всё отлично будет... Я щас! Я мигом!

Петляя, побежал вниз к реке Вороне. Она узенькая в тех краях, а на дне камушки острые. Разделся – и в воду нырнул, чтобы протрезветь. Но не рассчитал. Ободрал ладони о камни. Мелко, блять, даже у русла.

Назад в лагерь по тропинке вверх спешу, подорожника нарвал, к ранам прикладываю, но кровь всё равно сочится.

К командиру вернулся, волосы мокрые, руки в крови. Он прямо позеленел. Я его успокоить пытаюсь:

- Владимир Андреич, не бойтесь, я на свадьбах и не таким пьяным играл! На стул вон сяду, а вы ребятам скажите передо мной встать, чтобы не видно было. И спускайте флаг.

Сiju, играю без ошибок, а кровь на белые клавиши капает. Я героем себя представил, как Павка Корчагин, и запел: «Уходили комсомо-о-льцы на гражданскую войну!» Командир бледный весь...

А начальники, что на закрытие приехали, тоже, видать, водочки вмазали – и подпевать стали.

В общем, благополучно мероприятие провели. Как играть закончил, Андреич ко мне подлетает:

- Петя, беги, спрячься где-нибудь! Куда ж тебя... палатки сняли уже! Иди к Вороне, поспи на берегу, мы тебя заберём оттуда.
- Владимир Андреевич, а тройку поставите?
- Поставлю.
- И улыбнулся.

* * *

На третьем этаже приступили к операции – ангиопластике. В артерию, находящуюся рядом с правым яйцом, ввели катетер с баллоном, который, проделав путь до самого сердца, увеличил диаметр забитого холестерином сердечного сосуда. Для того чтобы было видно, какой именно сосуд был заблокирован, использовали контрастное вещество, и я сам мог наблюдать на мониторе продвижение катетера к сердцу. Но смотреть туда не хотелось, страшно было и без этого. Я закрыл глаза и молился. Иногда меня отвлекал от молитвы медбрат, помогавший хирургу, говоря:

- You're doing good!

Я не знал тогда, что же я так «хорошо делаю», лишь через сутки спросил об этом у начальника, который пришёл меня навестить. Он объяснил, что во время операции могла

быть повреждена внутренняя стенка артерии, а это привело бы ко всяким осложнениям и, возможно, к смерти.

Через полтора часа меня перевели в отделение интенсивной терапии. Подключили к разным аппаратам. Они демонстрировали цветные графики и издавали звуки, не дававшие мне заснуть. Да и какой там сон! Восемь часов я должен был находиться в горизонтальном положении. Шевелить ногами мне запретили во избежание кровотечения из использованной при ангиопластике артерии.

Рядом с койкой стояла медсестра и следила за мной. При малейшем движении она хватала меня за лодыжки и говорила: «Не двигайте ногами!» Но, похоже, я выходил из этой трудной ситуации. Да и не самым тяжёлым больным я там был. В соседней палате умер пациент, кто это был, я увидеть не мог, а вот рыдания молодой женщины слышал. С ней ещё сын был, лет двенадцати. Через открытую дверь я наблюдал, как она обняла его и горько плакала. Интересно, осознал ли мальчик, что произошло с его дедом или бабушкой?..

В мордовской деревне

Моя бабушка умерла, когда мне было десять лет. Тем летом 1960 года родители, чтобы уберечь от стресса, отправили меня на родину отца, в Пензенскую область, в мордовскую деревню. Местные говорили друг с другом на мордовском, а со мной – по-русски, правда, с акцентом. Там я познакомился с тёткой и её дочерью Машей, моей двоюродной сестрой. Маша была намного старше меня и работала в местной школе учительницей биологии.

Я с тёткой стал по утрам ходить в церковь. Мне как октябрёнку возбранялось увлекаться подобными делами. Но запретный плод всегда сладок, тем более что в церкви всё было таким таинственным и красивым...

Мой интерес к Богу не очень-то нравился сестре Маше – она была убеждённой атеисткой. Дабы поубавить мой религиозный пыл, она решила подарить мне книгу Емельяна Ярославского «Как рождаются, живут и умирают боги и богини», где автор пытался опорочить все мировые религии, взяв за основу марксистско-ленинское учение. Но я читал этот опус запоем, отмечая «научные» разоблачения Емельяна и всё больше узнавая о древних богах – особенно нравились мне древнеримские и древнегреческие боги.

Книжку эту я зачитал до дыр, не обращая внимания на дурацкую коммунистическую пропаганду, и свято верил, что боги должны быть всегда, только со временем приходят новые, более могущественные и правильные. Так что эффект от прочтения книжки получился обратный.

Однажды Маша, застав меня в шалаше на задах за чтением книжки, неожиданно сказала:

– А знаешь, Петя, у мордвы давным-давно были свои боги, а не Иисус, как сейчас...

– Правда? Расскажи!

– Мордва верила в главного бога, которому подчинён видимый и невидимый мир. Зовут его Шкай. Он... ну как Зевс у древних греков. Бог этот не имеет начала, не будет иметь и конца. Шкай невидим. Никто не может узреть его, не только простые люди, но даже боги, которых он создал и которые ежеминутно служат ему. Он живёт над небом, а как живёт – никто не ведает, но управляет он всем: планетами, людьми, животными, насекомыми и растениями... Он создал Шайтана, повелителя тёмных сил. Шкай позволил Шайтану сотворить духов зла, которые живут в лесных болотинах и глубоких омутах. Как только человек совершит плохой поступок, Шкай дозволяет тёмным духам покарать его за это, но если грешник начнёт молиться верховному богу и просить об избавлении от наказания, Шкай запрещает злым силам преследовать его, и слуги Шайтана возвращаются в свои обиталища. Но нужно не только молиться, но и жертвы Шкаю приносить...

– Какие жертвы?

– Ну, яйца, мёд, пуре – бражку такую...

– А где?

– В лесу, на полянах, где берёзы. Или на кладбище.

– На кладбище?!

– Там души умерших родственников тоже помогают перед Шкаем грехи замаливать, они намного ближе к нему, чем люди, если, конечно, сами много не грешили...

– Маша, а как люди просят Шкаю помочь им?

– Молиться нужно так: «Шкай, оцю Шкай, верду Шкай, ваны-мыст!» Это значит – Шкай, высший изначальный бог, помилуй нас!

– А если человек умрёт?

– Шкай создал не только Шайтана. Он сотворил ещё и верховную богиню, добрую Анге-патяй. По силе она равна с Шайтаном и они всё время ведут борьбу друг с другом – борьбу добра со злом. Анге-патяй родила четырёх богов и четырёх богинь. Старший сын её – Нишке-

паз, бог неба, солнца, огня и света. Он и покровитель пчёл, у него в небе много домов, они – как пчельник, а в них живут души только добрых людей. Как пчёлы роятся вокруг матки, так и души праведников летают вокруг Нишке-паза. Нишке на мордовском – пчельник. А третий сын верховной богини – Назаромпаз – бог луны, зимы и ночи. Он забирает в своё царство – «назаром нишке» (тёмный пчельник) души всех усопших – и хороших, и плохих. Хороших отправляет к старшему брату Нишке-пазу, а плохих изгоняет во владения Шайтана, под дно морское, в огненную преисподнюю.

– А куда же эти боги подевались?

– Давным-давно сюда пришли русские и триста лет мордву крестили, теперь мы православные, нет больше Шкая, Ангепатяй, Нишке-паза и Назаром-паза...

– А Шайтан есть?

– Шайтан есть, и преисподняя тоже.

– Страшно, Маша...

* * *

И сейчас мне было страшно. Особенно после того, как поймал себя на мысли, что начинаю вспоминать самые яркие случаи из жизни. Говорят, так бывает перед смертью. Я начал молиться, это помогло мне, на душе становилось светлее и спокойнее.

А вот когда в 2002 году я потерял мою Маринку – женицину, которую любил двадцать лет, молитвы не помогли. Видно, Всевышнему так было угодно. И я всё не мог понять – почему?

* * *

Господи, почему Ты оставил меня? Я всегда думал, что Ты любишь меня. Очень редко просил я Тебя о чём-то, лишь только благодарил Тебя за то, что даёшь мне...

Совсем недавно всё было так просто и надёжно – семья, любимая жена Марина, а теперь я один, в этой ненавистной квартире. Через час наступит новый 2003 год, я сижу за столом, тупо смотрю в телевизор и всё надеюсь: вдруг она позвонит, хотя наверняка знаю, что нет.

Вот я попал! Прожили вместе двадцать лет, всякое было – и плохое, и хорошее, больше хорошего, конечно... Казалось, только могила разлучит нас.

Я безразлично созерцаю, как огромный, сверкающий шар на Time Square в Нью-Йорке медленно опускается. Как он дойдёт донизу, так и Новый год наступит...

Я вижу по телеку ликующую, прущуюся от радости толпу, при виде которой мне становится ещё хуже, я пытаюсь сдержать слёзы, но они так и льются, не унять... Всё труднее дышать, я пью валокордин и иду спать. Заснуть не могу, думаю о Марине, и мне никак не верится, что я её навсегда потерял, что она не вернётся ко мне, как не вернётся детство, как не придёт в гости давно умерший друг, как не воскреснут мать и отец...

Господи, научи меня жить без неё! Помоги мне забыть о ней... или помоги хотя бы не вспоминать её каждую минуту! Как только я о Марине подумаю, что-то жжёт внутри, обдаёт огнём, пожирает душу, и тяжкий стон вырывается из груди.

Надо как-то заснуть, завтра рано на работу вставать. Господи, Господи, помоги мне, пожалуйста!

* * *

А медсестра у кровати крутится, заснуть не даёт.глянул на неё исподтишка. Сама в униформе больничной, а жопой, как проститутка, виляет, нашла, сучка, время. И только я о проститутках подумал, сразу Стеллу вспомнил. Всё как-то неожиданно и романтично с ней получилось.

Да...

Таких красивых баб у меня отродясь не было... И первый настоящий минет я с ней испытал.

Стелла

Не повезло мне в тот понедельник. В аптекоуправлении, где я работал в середине семидесятых инспектором-фармацевтом, поручила мне завотделом за неделю две аптеки проверить. Одна в Теряево, другая в Яропольце. Удружила начальница. В таких аптеках дефицитных лекарств днём с огнём не найдёшь. Копейки лишней не заработаешь.

Я уже документы у неё забрал, сходил, аванс получил, а тут Генка звонит. Мы с ним в институте вместе учились. Давай, говорит, встретимся где-нибудь в центре, винца попьём. Хорошо, отвечаю, давай у «Художественного», в двенадцать.

В гастрономе, как винный отдел открылся, два «огнетушителя» взял и в портфель их положил – бутылку в одно отделение, другую – во второе, чтобы не разбились. Добрался на метро, дошёл до кинотеатра. Дружок на ступеньках стоит, меня дожидается.

– Привет, Петь, куда пойдём?

– На Суворовский. Там мужики в шахматы на скамейках играют. Сядем рядом, ментам не так заметно будет.

Выпили, вроде нормально всё, но как-то неймётся нам. Генка и говорит:

– Петя, я тут с одной девкой познакомился. Любкой зовут. Живёт далеко, в Останкино, но телефон есть, может, звякнуть, чтобы с подружкой приехала?

– Звони. А твоя-то хоть хорошенькая?

– Увидишь.

Целый час с ней по телефону договаривались. Она подругам звонит, потом мы ей опять – этой дома нет, та на работе ещё...

– Слышь, Ген, ну её к чёрту! Пусть одна к тебе приезжает. Время четыре уже. Мне в Волоколамск завтра ехать, вставать рано. Но дождались всё-таки.

Явилась Генкина девица в шесть. Волосы длинные, огненно-рыжие, а груди и жопа – как у Лиз Тейлор. Только ростом Любка повыше и телом посытнее. И конопушки на лице. Деловая такая... Сразу на «ты».

– Не волнуйся, Петя, я тебе сегодня такую девчонку найду, закачаешься!

Водяры бутылку взяли и в «Саяны» пошли. Ей – водки побольше, а себе пива. Мы ссать бегаем, а она к телефону. Всё вызванивает кого-то. Я уже пьяный стал, желание от выпивки на второй план сместилось. Подошёл к автомату, по-дружески её за жопу потрогал, пока Генка не видит. Мягкая жопа, хорошая.

– Хватит тебе, Люба, звонить. Щас Гена вернётся – и по домам, мне до «Электрозаводской», потом на электричке час ещё...

Вышли, темно уже. И народу немного на улице. Мимо «Праги» проходим, вдруг Любка вправо как ломанётся!

Гляжу: баба пьяная винтами идёт. А Любка к ней наперерез. Остановила, и говорить о чём-то с ней стала. Мы с Генкой наблюдаем, что дальше будет. Минут пять они перетирали, потом вижу, Любка рукой замахала – идите, дескать, сюда.

Я бабу как следует не разглядел. Но понял, что в гости она приглашает, если литр водки найдём. И что она рядом на Арбате комнату у старушки снимает. Вчера только переехала.

Как быть? Всё закрыто, а в «Праге» на входе швейцар в фуражке, алкашей от себя отгоняет. Отдаю Генке деньги. Прошу:

– Соберись, ты же не пьяный совсем! Уговори его. Возьми водки.

А Гена подтянутый такой, в пиджаке, голос поставленный. Диктором мечтал стать, но конкурс не прошёл, заикался немного, особенно когда вмажет. Поговорил он с привратником,

сунул ему в ладонь что-то и прошёл внутрь. Победа! Минут через десять вернулся и обратился к пьяной незнакомке:

– Ну вот... Взял я литр. Тебя к-как зовут?

– Стелла. Пойдёмте. Я рядом живу.

Стелла... «Звезда» по-латыни. Я внимательно посмотрел на неё. Бухая сильно, но одета из «Берёзки». Тоненькая, стройная. И красивая, кажись.

Тут же подхватил её под руку, она невольно прижалась ко мне. Трудно ей было идти без поддержки. Я ощутил зовущее тепло груди. Бля, как же всё здорово получается!

– Очень приятно. А меня Петя звать. Это – Гена и Люба. Мои старые друзья.

– Ага...

По дороге к дому Стелла молчала, лишь иногда напоминала, чтобы мы не шумели – она бабу-хозяйку ещё толком не знает.

Квартира, где она снимала комнату, находилась на втором этаже старого дома. Стелла тихо вошла в коридор и включила свет. Открыла свою комнату и указала на другую дверь, приложив палец к губам:

– Там бабуля спит.

Губы её были полные, безупречно очерченные. И тёмно-карие глаза, яркие, несмотря на количество принятого спиртного. А произнося «бабуля», она смешно сморщила носик и немного вытянула губы...

Да она же красавица! Я тут же предложил:

– Давай я плащ помогу тебе снять.

Сбрасывая плащ, Стелла чуть прогнулась назад. На ней была лёгкая маечка. Я уставился на её грудь. Она казалась крупноватой для столь хрупкого тела, но привлекательности от этого не теряла.

– Ну, чего ты встал, проходи в комнату, – подтолкнула меня сводница Любка.

Комната была просторной, посреди стояли два стула и большой стол, который мы тут же придвинули к дивану, чтобы всем разместиться. На полу валялись нераспакованные чемоданы, книги, перевязанные тесёмкой. В углу у шкафа сидел, раскинув лапы, большой плюшевый медведь.

Хозяйка принесла закуску: дефицитную колбасу, сыр и два апельсина. Странно как-то всё: на водку выпрашивает, а холодильник забит.

– Ну, за знакомство!

Любка весело заржала, и мы выпили по первой. Я – только половину. Сколько хороших баб я проспал по пьяни! Познакомишься где-нибудь на свадьбе, потанцуешь, поприжимаешься, потом – хлоп лишний стакан, и в ауте, а тёлку мою кто-нибудь другой в кустах окучивает!

А Стелла махнула до дна, в вещах порылась, пеньюар прозрачный достала, и из комнаты вышла.

– К-куда это она? – спросил Генка.

– А... Пьяная, – фыркнула Любка, придвинулась к дружку и, улыбаясь, что-то зашептала ему на ухо.

Вдруг Стелла заходит, волосы цвета вороного крыла, все мокрые. А пеньюар и так прозрачный, да ещё мокрый насквозь. Бля, как голая! Любка аж ахнула:

– Ты что, охуела, Стелка?

– А чего такого, я люблю голышом ходить! Вот!

И пеньюар с себя срывает! Смотрю я на нее и глаз отвести не могу от красоты такой! А она:

– Ну, кто ещё раздеться хочет?

– Я! – заявляет Гена и пиджак с себя начинает стягивать.

Мы, когда студентами были, летом под Тамбовом птицеферму строили. На солнце жарко было, раздевались. Так у него самая лучшая фигура в стройотряде была. Он с детства отцу помогал на работе – гранитные надгробия шлифовать. Накачался, понятное дело...

А Любка сразу поблекла и на поросёночка рыжего походить стала:

– Гена, ты с ума, что ли, сошёл? Ну-ка, давай, собирайся!

Во, это правильно она. Я ей в унисон:

– Действительно, Ген, тебе на работу завтра. Поздно уже...

– А тебе не на работу?

– Да я в командировке. С утра отосплюсь и в Волоколамск махну. Давай, Гена, отправляйся домой.

А сам на Стеллу смотрю, что она скажет. Нет, молчит.

Ребята выпили на посошок. Я их до двери проводил. Любка шепчет:

– Ты что, Петя? Поехали с нами, она же вольгатурная! Я тебе в Останкино знаешь, сколько таких найду?

– Ладно, Люб, устал я, отдохнуть надо. Счастливо, Ген...

Я вернулся в комнату. Она стелила на диване.

– Ну что, в ванную пойдёшь?

– Да... да... я быстро...

Стелла достала из шкафа полотенце:

– На, я жду.

После душа я оделся и тихонько приоткрыл дверь в коридор. Всё боялся, что бабка увидит и вытурит. Бесшумно прокрался в комнату и запер дверь на ключ.

Стелла сидела на диване, прикрывая грудь плюшевым медведем. Прикол, что ли, какой?

– Петя, у меня подушка только одна. Подержи. Я щас наволочку на него надену. И подглядывать не будет...

– А ты свет погаси, он не увидит.

– Нет, я при свете люблю... Тебя раздеть?

– Да я сам.

Сидя на диване, я расстегнул брюки, стащил с себя рубашку, бросил на пол. Потянулся к Стелле. Правой рукой водил по спине вверх и вниз, а левой трогал её бёдра. Потом мы поцеловались. Запомнил губы, мягкие и горячие. Бережно опрокинул её на диван, лаская тяжелые груди...

– Петя, подожди... подожди... – Она вывернулась из-под меня, лицом упёрлась в живот и, жарко дыша, начала сползать вниз...

В те далёкие годы бабы минетом нас не часто баловали. Когда в школе учился, это считалось постыдным, нехорошим делом.

– А знаешь, Серёга Васин Ленку-то завафлил!

– Врёшь ты...

– Ничего не вру, он мне сам вчера о ней болтал!

Вот такие разговоры доводилось слушать на большой перемене в туалете. А про куню вообще никто практически не слышал.

Я пару раз по пьяни пытался напрямь первую жену с оральным сексом, но, заполучив такой подарок, она толком не знала, что с ним делать – просто держала во рту, и всё... А тут ураган какой-то!

– Стелла, я уже не могу... Стел, я же щас...

Она, не отрываясь от дела, кивнула в такт головой и произнесла невнятно:

– У-гуу...

Наконец я не выдержал. И всё, что было во мне, – похоть, желание, любовь, блаженство – выплеснулось со стоном...

Я посмотрел на её лицо. Оно казалось каким-то страдальческим и приобрело багровый цвет. Я испугался. Может, подавилась?

– Стел, ты чего?

– Ничего... я трахаться люблю... мне приятно очень... А кончаю только так.

Мы лежали на диване, курили дефицитную «Яву». Стелла казалась теперь близкой и родной.

– Ну что, Петь, вмажем за знакомство?

– А тебе что, на работу тоже можно не идти?

– Я не работаю. Я проститутка.

– Как... проститутка?..

– Мужиков богатых за деньги обслуживаю.

Я слышал о проститутках, но они должны были обитать где-то в недоступных для меня местах – «Интуристе» или «Космосе». А тут лежит рядом со мной. Женщина, в которую я уже успел влюбиться. Сели за стол. Выпили.

– Стел, а тебе нравится заниматься... вот... этим... со всеми?

– Ну, бывает, мужики нормальные попадаются, выпьешь – и ничего... А вчера... такой гад! Я из-за него потом в кафе нажралась. И сумочку мою с деньгами стырили. Я же вас-то позвала, чтобы выпить ещё. И справка в сумке была.

– Какая справка?

– Да для мусоров. Чтоб не доёживались со своим тунеядством. У меня профессор один знакомый, ну, клиент мой, каждый семестр справки делает, что я студентка института культуры.

– И что теперь?

– Позвоню, ещё нарисует...

Я взглянул на Стеллу. Какая же обалденная женщина! Мне не хотелось думать ни о профессоре, ни об этом «гаде», из-за которого она вчера напилась... Я опять повалил её на диван...

– Стелла, а тебе сколько лет?

– Двадцать девять.

– А что ты потом будешь делать?

– Не знаю.

Мне стало очень жалко её. Но жалость эта была необычной. Раньше на Руси говорили: жалкий ты мой, то есть любимый...

– Стел, давай я женюсь на тебе? У меня денег немного, но я пить брошу, пахать на работе начну. Проживём.

– А ты что, холостой?

– Женатый. И сын есть. Я ему помогать буду.

– Петь, спать пора. Хороший ты... засыпай.

Проснулся в три дня. Денег ноль.

– Стел! У тебя телефон подключен?
– Да... – прошептала она сквозь сон.
Я стал набирать номер друга. Может, ещё на службе?

– Ген, здорово! У тебя денег от вчерашнего не осталось? Нет? Займи где-нибудь. Я завтра точно в Волоколамск еду, мне на билет рубля три надо. И водки купи похмелиться.

– И шампанского, жених! Цветов от тебя точно не дождёшься! – Стелла проснулась и, вытащив из наволочки медведя, махала мне его лапой.

– Гена, ты помнишь, куда ехать?.. Ага. На Арбат... Как не дадут? У вас там больных, что ли, нет? Отдам лекарствами без переплаты. Да, и шампанского купи.

– Полусладкого, – добавила Стелла.

– Ген, полусладкое возьми. Короче, ждём.

Стелла прибралась в комнате. Сходила на кухню. Принесла уже нарезанный сервелат, буженину, коробку конфет. По дому ходила в том же пеньюаре, прозрачном и очень сексуальном.

Генка через час примчался. Всё принёс. И ещё три бутылки «Жигулёвского». Сразу к Стелле:

– Вот, как просила, полусладкое. Классно выглядишь, а ночь-то, поди, не спали. – И как-то нехорошо засмеялся.

Выпили шампанского. Потом водки. О наших планах со Стелкой – ни-ни... Мы на диване сидим, а он на стуле. Говорили обо всём до его приезда – наговориться не могли. А тут пауза, вроде выпили, но молчим. Как в рот воды набрали. Вдруг Стелла:

– А что мы пиво в холодильник не убрали? Пойду на кухню отнесу.

– Давай помогу, – предложил Генка – и за ней...

Я сижу, курю. Что-то нет их долго.

Тут он в комнату заходит, лицо напряжённое.

– Случилось что? – спрашиваю.

– Да нет, всё нормально...

Вдруг слышу, как дверь на ключ снаружи запирают. А потом Стелкин голос:

– Это милиция? Алло, алло, это милиция?

– Ген, что случилось?

– Хули она голая ходит? Я ей на кухне предложил: пойдём в ванную, трахнемся. Она – ни в какую. Ну, ножик показал. Попугать хотел просто. А она, сука, к бабке в комнату ломанулась и дверь закрыла. Теперь нас тут и накроют! – И показывает складную «листочку».

– ...Милиция? Приезжайте по адресу...

– Петь, чё делать-то?

Говорить ему, что он мудака, было некогда. Вот попал, блять!

Генка попробовал плечом выбить дверь. Куда там! Из коридора донеслось:

– ...Попытка изнасилования...

Он кинулся к окну, открыл его и выбросил нож.

– ...Что?.. Групповая...

Я перегнулся через подоконник, поглядел вниз. Да, высоко раньше вторые этажи строили.

– Ты хуйню эту затеял – тебе и прыгать.

– Высоко!

– Скорее приезжайте!!!

– Прыгай, блять!

Генка залез на подоконник, свесил ноги и махнул вниз. Приземлился удачно. С парашютом, что ли, раньше прыгал? И мне кричит:

– Петь, давай, не бойся...

Я попытался скопировать его полёт. Но, коснувшись земли, ощутил резкую боль в коленях – и тут же в хребет ёбнуло. Я упал на спину. Так и лежал. Думал, не подняться мне больше. Генка рванул дворами сначала, но потом вернулся, подхватил меня под мышки:

– Петь, не ссы, щас пройдёт. Ничего не сломал?

– Вроде нет... Бля! Я портфель в квартире оставил. А там распоряжения – аптеки проверять!

– Пошли Петя, хуй с ними!

– Мудило! Меня же по бумагам найдут. Домой не успею вернуться... Стелла! Стелла!

Через несколько минут она подошла к окну.

– Кинь мой портфель, документы там...

– Да не звонила я никуда. Пусть этот козёл уходит, а ты ко мне поднимайся.

Пойти? Может, и вправду не звонила? Нет, девять вечера уже. Я точно тогда в Волоколамск не попаду.

– Стел, у меня только три дня на две аптеки осталось. С работы выгонят. Брось портфель!

– Ладно.

Вернулась не сразу.

– На! Я там телефоны записала. Сюда. И Юрия Александровича из института. Звони обязательно.

– Позвоню!

Генка медленно вёл меня к метро «Смоленская». Боль потихоньку уходила. На душе – чёрт-те что...

– Ген, ну ты и фуфел! Тебе чего, рыжей твоей не хватает?

– Тоже мне, сравнил!

– Дурак, я жениться на ней хотел...

– На ней? Как ты был ёбнутым, так им и остался!

– Да иди ты! Лекарства тебе возьму, приедешь в понедельник к обеду в управу. Расплачусь. Всё.

В Волоколамском районе я закрыл на учёт две аптеки в один день. Вопреки инструкциям. Но другого выхода не было. Проверку закончил только в субботу. Прямо с вокзала позвонил Стелле.

Старушечий голос ответил:

– Она здесь больше не живёт...

Я набрал номер профессора.

– Здравствуйте, можно Юрия Александровича?

– Кто говорит?

– Шнякин, Пётр Яковлевич.

– А, Петя... Не пошёл бы ты на хуй?

Я повесил трубку. И подумал: «Больше никогда её не увижу».

* * *

И до сих пор помнится мне та «звёздочка» Стелла – и ещё плюшевый мишка, которым она грудь свою прикрывала. Даже когда с Маринкой жил, думал о ней частенько, что греха таить.

Маринка

«Снился мне путь на Север» – пел Борис Гребенщиков, и я украдкой плакал под замечательную песню, с потаённым восторгом думая о любимой жене – как же повезло мне быть таким счастливым и влюблённым уже двадцать лет!

Так рассуждал я летом 2001 года, толстый, добрый и доверчивый...

А познакомились мы с Мариной в декабре восемьдесят первого. Её подруга Алёна пригласила нас на шашлыки. Меня как раз бросила молодая лаборантка Института пушного звероводства и кролиководства, поскольку я был старше её на двенадцать лет, нищий, женатый вторым браком и имел сына Яшу. Хотя разница в возрасте, может, и не имела большого значения. Сердце своё после меня она отдала главному зоотехнику крупного зверосовхоза по фамилии Червяков, а он, в свою очередь, был на двенадцать лет старше меня, тоже женатый и с детьми. Просто он не боялся воровать и ездил с полными карманами денег на собственной тачке. А может, всё объясняется проще – есть мужики, которые бабам не нравятся, есть такие, которые нравятся, а от иных у баб просто крышу сносит. Наверное, он и был из их числа.

Ладно, хватит о нём. На шашлыках меня должны были познакомить с девкой из подмосковного Раменского, а Марину – с другом моего детства Юрием Николаевичем. Его все так и звали, по имени-отчеству. Он был врачом скорой помощи, лечил больных и даже алкашам помогал выправлять «бытовухи», которые прогульщики могли предъявить на работе и избежать тридцать третьей статьи – после неё и в грузчики не везде брали.

Но Юрий Николаевич не пришел, а раменская тёлка, видимо, по пути где-то бляданула. Вот и встретился я с Маринкой в тот день на заснеженном берегу извилистой речки Македонка. Тогда я не пил спиртного – временно поборол свой недуг, отлежав положенное в дурдоме.

Все участники мероприятия набрали сухих веток, у поваленного дерева я развёл костёр и пожарил мясо. Под шашлыки Марина много выпила и, не теряя времени, приобняла меня за плечо, давая понять другому мужику из нашей компании, что выбор её сделан. Я был этому очень рад, хотя и немного напуган размерами моей новой знакомой – широкоплечей, крупнокостной, с большой жопой и грудью где-то третьего размера. Но лицом она была красива и всё время заразительно хохотала. Всё это вызывало у меня сомнения – а управлюсь ли я с ней? Словно угадав мои мысли, Марина ласково сжала мне руку широкой ладонью. Я заметил, что ногти были не покрашены – в туркомплексе «Измайлово», где она работала поваром, делать маникюр запрещалось.

Я проводил её до дома. Жила Марина на улице Северная, в пятиэтажке. Призывно улыбаясь, она сообщила, что ей надо забрать у бабки двухлетнего сына Павлика, а я могу зайти попозже.

Я побежал к жене Танюше – предупредить, что уезжаю на ночь в Москву, к двоюродному брату Андрею, и под её ругань надел свои лучшие ботинки на огромной платформе, которые лет пять как вышли из моды. Идти обратно до квартиры Марины, где она жила с сыном от первого брака, было минут семь. Весь этот путь на Северную я думал, что наверняка с ней поебусь.

Так и вышло. Поднимаюсь на четвёртый этаж, звоню, а Марина... а Марина в ночной рубашке открывает дверь и тащит меня в пустую комнату с большой кроватью для взрослых и маленькой для Павлика. «Тише, тише... раздевайся, – слышу я голос в темноте, – Павлика не разбуди...»

Наша первая ночь была не самая лучшая, таких крупных женщин мне действительно иметь не приходилось, но всё же пару раз я достаивался звания «Солнце моё»...

Мы не спали до утра. Я травил анекдоты, которых знал уйму. Марина хохотала так громко, что сынишка не раз просыпался, а я про себя отмечал: с чувством юмора баба!

Вот эти анекдоты, которые даже сейчас порой можно услышать по телевизору, а также моя экзотическая профессия – провизор – и определили её дальнейший выбор. Марина стала оказывать мне больше внимания, чем своему соседу, татарину Толику – высокому, симпатичному, но дебильному помощнику машиниста московского метрополитена, который нет-нет, да и навещал её «по-соседски». Но всякий раз, когда я приходил к ней и заставал там Толика, ударник труда был вынужден ретироваться и в конце концов перестал ходить вовсе, женился на учительнице младших классов и заделал ей двоих детишек.

Кстати, Толику лет через пять я мог отомстить. Марина с сыном уехали отдыхать в Крым, метрополитеновец работал в ночную, а училка зашла ко мне перепахнуться, видимо, тоже «по-соседски». Я помог ей снять пальто, от неё сильно потянуло потом, и мстить мне расхотелось.

На новый 1982 год я сорвался, и мы с Мариной стали пить вместе. Ну не то чтобы вместе, а скорее одновременно, но в разных местах. Начались дикие ссоры из-за моей жены Танюши и Марининых загулов в ресторанах. Бились мы с ней часто, она рвала на мне рубашки, выдирала волосы на голове, до шрамов кусала руки, а я в ответ ставил синяки на её красивом лице. Нас выручал Юрий Николаевич, выписывая Марине «бытовухи», так как с фингалами ходить на работу в «самый большой отель Европы» было непозволительно.

Наш роман чуть было не оборвался в самом начале, когда я неожиданно подцепил от Маринки трихомоноз, наградив им ещё и Танюшу. Но мы, все трое, удачно пролечились, и наша любовь с Мариной разгорелась вновь – несмотря на то, что я серьёзно запил и потерял работу инспектора-фармацевта в аптечном управлении Мособлисполкома. Из-за всех этих передряг и сильного стресса спать я не мог, даже похмелившись, и решил принимать на ночь «колёса» для сна – нембутал, его я нахапал в больших количествах безо всяких рецептов, проверяя областные аптеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.